

2. Davudov O.M. Rasul Magomedovich Magomedov (zhizn i tvorchestvo) // Materialy nauchnoy sessii, posvyaschennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Rasula Magomedova. Mahachkala, 2002.

3. Davudov O.M. Adaty dagestanskih gortsev kak istoricheskiy istochnik. M., 1960.

4. Davudov O.M. Dagestan (istoricheskie etyudy). Mahachkala: Dagpeduchgiz, 1971, 1975. Vyip. I, II.

5. Davudov O.M. Po aulam Dagestana. Vyipiski iz polevyih dnevnikov. Mahachkala: Dagpeduchgiz, 1977, 1979. Vyip. I, II.

6. Magomedov R.M. Dva stoletiya s Shamilem. Mahachkala, 1997.

7. Magomedov R.M. Shamil v otechestvennoy istorii. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1990.

8. Magomedov R.M. Borba gortsev za nezavisimost pod rukovodstvom Shamilya. Mahachkala, 1939.

9. Magomedov R.M. Shamil. Mahachkala, 1940.

10. Magomedov R.M. Imam Shamil. Mahachkala, 1941.

11. Magomedov R.M. O dvizhenii Shamilya. Mahachkala, 1949.

12. Magomedov R.M. Vosstanie gortsev Dagestana v 1877 g. Mahachkala, 1940.

13. Magomedov R.M. Dargintsi v dagestanskom istoricheskom protsesse. Mahachkala, 1999.

14. Magomedov R.M. Obschestvenno-ekonomicheskiy i politicheskiy stroy Dagestana v XVIII – nachale XIX v. Mahachkala, 1957.

15. Magomedov R.M., Magomedov A.R. Istoriya Dagestana. Mahachkala: Dagknigoizdat, 1994.

16. Shihsaidov A.R. Srednevekovaya istoriya v trudah R.M. Magomedova // Materialy nauchnoy sessii, posvyaschennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Rasula Magomedova. Mahachkala, 2002.

Rasul Magomedov – the patriarch of the Dagestan historic science

There is described the work of R.M. Magomedov – specialist in the sphere of Caucasus study, one of the founders of professional historic science in Dagestan, the author of more than 20 fundamental monographies in the most urgent issues of Dagestan studies.

Key words: *history, science, specialist, Caucasus study, social structure, publicism.*

(Статья поступила в редакцию 14.08.2013)

О.В. ГАЛКОВА, И.А. ПЕТРОВА
(Волгоград)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ В ПАРАДИГМЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Критикуется односторонний подход в оценке места и роли советского периода в истории Российской Федерации. Предлагается возможный вариант преодоления такого подхода в парадигме развития промышленной цивилизации.

Ключевые слова: *индустриализация, индустриальная цивилизация, советский период в российской истории, технологическая революция, тоталитаризм, урбанизация, цивилизационный сдвиг.*

В последние годы нет недостатка в оценочных суждениях об истории нашей страны советского периода. Большинство из них, навязываемых нам с экранов телевизоров и страниц печатных изданий, включая школьные и вузовские учебники, носят в значительной степени негативный характер, расследуя, по сути дела, только одну сторону жизни страны – тоталитаризм – от беспрецедентного контроля государства за личностью, подавления ее индивидуализированных творческих начал до крупномасштабных репрессий во всех слоях российского общества. Ни в коей мере не оправдывая преступления эпохи сталинизма, мы должны все-таки отметить, что истории неизвестны такие революционные преобразования, которые обходились бы без жертв или хотя бы «малой кровью». Судить о предшествующих этапах с точки зрения соблюдения «прав человека» – занятие наименее осмысленнейшее [1], тем более что и сегодня мы вряд ли найдем на земле такой обетованный уголок, где они соблюдаются в полном объеме.

В настоящее время такой перекосяк в сторону очернительства советской истории – свидетельство либо профессиональной недобросовестности историка, либо политической заданности исследования. Между тем для оценки роли и места советского периода в истории России существуют объективные критерии. Поскольку советский период был временем развития индустриальной цивилизации, анализ его места и роли в истории страны целесообразно осуществлять через парадигму индустриальной цивилизации.

Обращаясь к истории промышленной цивилизации, выделим ряд основных характеристик, свойственных ей. Технологические революции, определяющие цивилизационные скачки в истории человечества, потому и называются революциями, что они приносят радикальные изменения во все сферы жизни общества: социальную структуру, культуру, политику, экономику, здравоохранение [2]. Более того, их предпосылки рождаются также во всех сферах жизни общества, а не только в технологических инновациях.

Переход к промышленной цивилизации связан, в первую очередь, с преобразованиями внутри аграрной цивилизации – повышением прибыльности сельскохозяйственного производства на основе специализации, сокращением количества занятых в аграрном производстве и появлением в связи с этим свободных трудовых ресурсов, пополняющих свободное население городов, изменением в характере торговли и развитием процесса первоначального накопления капитала, серией идеологических переворотов от идей гуманизма до реформации и, наконец, просвещения [3]. Само по себе появление паровой машины Дж. Уатта не могло привести к стадийному переходу от цивилизации аграрной к цивилизации индустриальной. История России тому лишнее подтверждение. Как известно, универсальная паровая машина была создана в середине XVIII в. и в России И.И. Ползуновым, но при отсутствии остальных предпосылок перехода к индустриализму она оказалась невостребованной. Родиной промышленной цивилизации стала не Россия, а Англия, где эти предпосылки имелись в наиболее полном виде.

В то же время сама промышленная революция вызвала к жизни соответствующие изменения во всех сферах – формирование новой социальной структуры общества (промышленная буржуазия и промышленный пролетариат), появление через серию буржуазных революций новой политической организации в виде конституционных монархий и республик, демографический бум и процесс урбанизации, культурную революцию, развернувшуюся широким фронтом и заключающуюся, в первую очередь, в ликвидации безграмотности, но не ограничивавшуюся этим, не только приведшую к смене стилей в искусстве от романтизма через реализм к модернизму и далее, но, главное, изменившую форменным образом мировоззрение и образ жизни человека. И все-таки главный результат, который промышленная цивилизация дала человечеству, – это, на наш взгляд, увеличение вдвое средней

продолжительности и повышение качества жизни человека.

Без этого необходимого введения попытки определить место советского периода в русской истории обречены на субъективизм. Что же из себя представляла Россия в начале XX в.?

Стала ли она страной индустриальной, произошла ли в ней промышленная революция? Обширный статистический материал того времени совершенно четко позволяет ответить на этот вопрос отрицательно. По данным статистического ежегодника России за 1914 г., только 15% населения проживало в городах [4]. Это та ключевая цифра, которая однозначно указывает на то, что Россия оставалась страной аграрной, этому вполне соответствовали и политическая система, и уровень культуры страны, в которой большинство населения оставалось безграмотным. Насыщенная духовная жизнь столиц и ряда пригородных усадеб, давшая миру классические образцы художественной культуры, первых нобелевских лауреатов, выглядит скорее очередным русским чудом, чем явлением закономерным.

И все-таки определенная закономерность здесь, конечно, присутствовала. И связана она с тем явлением, которое прекрасно проанализировал в то время В.И. Ленин, – неравномерностью развития России. Столицы, как и отдельные промышленные районы страны, жили уже по другим законам, законам зарождающейся промышленной цивилизации. Реформы 60–70-х гг. XIX в. открыли не дорогу к ней, а лишь небольшую «калитку» тому новому, что несла промышленная цивилизация. Сложно принимать всерьез утверждения авторов многих учебников истории о начале промышленной революции в России в 30-е гг. XIX в. Строительство одной железнодорожной ветки, так же как и появление десятка паровозиков, скорее, выглядело заимствованным аттракционом, а не цивилизационным сдвигом, происходящим в стране. Более серьезные попытки были предприняты в конце XIX – начале XX в. (С.Ю. Витте), но они не привели к серьезным изменениям в экономике.

Таким цивилизационным сдвигом, бесспорно, явилась Великая российская революция 1917–1921 гг. Революция, в первую очередь, вполне закономерно и относительно легко победила как раз в столицах, где были и социально-политические, и культурные предпосылки для нее. Победа же ее в более отсталых регионах оказалась более тяжелой и решалась в упорных боях Гражданской войны, продолжавшихся на окраинах вплоть до 1930-х гг. (борьба с басмачеством).

Новое большевистское правительство прекрасно осознавало необходимость индустриализации страны, но вряд ли в полном объеме представляло сложность ее предпосылок, считая, что власть пролетариата, плановость экономической и социальной политики в кратчайшие сроки позволят их создать. В основе своей главная задача была решена. В плане индустриального развития страна за 20 лет (и каких лет!), с 1925-го по 1945 г., стала вполне соответствовать классическому представлению о стране индустриальной. Только после Второй мировой войны сравнялась численность городского и сельского населения, была ликвидирована неграмотность и развернута вполне современная сеть среднего профессионального и высшего образования. По целому ряду параметров, сопутствующих индустриальной революции, страна занимала ведущие позиции. Это, в первую очередь, образование, а также развитие принципиально новой модели здравоохранения. В стране хотя бы формально была решена проблема равенства полов, а поэтому феминистское движение, хотя и существовало (в ряде развитых стран оно превратилось в серьезную политическую силу), но не было оппозиционным. Не является оно таковым и сегодня.

Все это позволило стране к концу 1950-х – началу 1960-х гг. одной из первых в мире продемонстрировать ряд моментов, свидетельствующих о приближении постиндустриальной цивилизации. В первую очередь, здесь речь идет, конечно, об освоении космического пространства. Успехи в освоении космоса не были бы возможны без комплексов новейших технологий, в том числе компьютерных. В то же время именно в этот период нерешенные проблемы переходной стадии от аграрной цивилизации к постиндустриальной стали сказываться с нарастающей силой и не вполне осознавались руководством страны. Преждевременное свертывание нэпа (хотя в силу в том числе и объективных факторов) оставило ряд нерешенных задач переходного периода (в первую очередь, речь идет об отсталости аграрного сектора). В послевоенные годы сокращение сельскохозяйственного населения от 45 до 25% трудоспособного населения отнюдь не сопровождалось соответствующим ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Стали привычными жалобы председателей колхозов и совхозов на климатические условия, которые воспринимались руководством «с пониманием». Сегодня они опять продолжают, но чаще выглядят смешными. Сложно поверить, что климат в Швеции, Финляндии, Норвегии более благоприятен для сельского хозяйства, чем на Куба-

ни, в Поволжье и т.д. Проблемы, конечно, лежат гораздо глубже. Задачи индустриализации решались насильственными методами именно потому, что аграрный сектор не создал соответствующих предпосылок индустриального развития. Более того, сверхскоростная индустриализация усугубила многие проблемы аграрного сектора, и не только его. В советский период в целом сложился единый внутренний рынок страны, но не благодаря перенасыщенности местных рынков, а через торможение их развития, через пренебрежение к развитию как легкой промышленности, так и аграрного сектора.

Эти диспропорции развития экономической жизни страны сопровождалась соответствующими диспропорциями в политической, духовной и идеологических сферах. Сталинизм представлял собой причудливую смесь западноевропейского марксизма с российским бакунизмом, с его глубокой убежденностью в революционных возможностях мужика и деклассированных элементов, с его верой в силу отдельных личностей и т. д.

В связи с этим вряд ли приходится удивляться тому, что в современной России мы так отчетливо наблюдаем черты первоначально накопления капитала, что социальные показатели стремительно падают до уровня переходного периода к индустриальной цивилизации. Сокращение средней продолжительности жизни населения на 10 лет за десятилетие новой российской государственности является концентрированным показателем уровня разрушения цивилизационных параметров страны.

Литература

1. Петров А.В. Права человека в монархической России как предмет научных дискуссий // Философия права. 2008. №3. С. 16–20.
2. Петрова И.А. Особенности цивилизационного развития России в этническом времени: дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2000.
3. Россия в мировой цивилизации: учеб.-метод. пособие / Волгогр. гос. мед. ун-т, каф. истории и культурологии; под общ. ред. И.А. Петровой. Волгоград, 2004. С. 98–107.
4. Россия 1913 г.: стат.-док. справ. СПб., 1995.

* * *

1. Petrov A. V. Prava cheloveka v monarhicheskoy Rossii kak predmet nauchnykh diskussiy // Filosofiya prava. 2008. №3. S. 16–20.

2. Petrova I. A. Osobennosti tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii v etnicheskom vremeni: dis. ... d-ra filos. nauk. Volgograd, 2000.

3. Rossiya v mirovoy tsivilizatsii: ucheb-metod. posobie / Volgogr. gos. med. un-t, kaf. istorii i kulturologii; pod obsch. red. I.A. Petrovov. Volgograd, 2004. S. 98–107.

4. Rossiya 1913 g.: stat.-dok. sprav. SPb., 1995.

Soviet history in the paradigm of industrial civilization development

There is criticized the one-sided approach in evaluation of the place and the role of the Soviet period in the history of the Russian state. There is suggested the possible way of overcoming this approach in the paradigm of industrial civilization development.

Key words: *industrialization, industrial civilization, Soviet period in the Russian history, technological revolution, totalitarianism, urbanization, civilization shift.*

(Статья поступила в редакцию 06.12.2013)

А.В. ХОРОШЕНКОВА
(Волгоград)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕДИЕВИСТИКИ В САРАТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Проведен анализ становления и развития медиевистики в Саратовском университете в первой половине XX в. Представлены направления научной деятельности кафедры истории средних веков Саратовского государственного университета. Рассматривается деятельность таких ученых, как Г.П. Федотов, А.С. Бартенев, С.М. Пумпянский и др.

Ключевые слова: *высшие учебные заведения, Саратовский государственный университет, историческая наука, историческое образование, медиевистика.*

Рассматривая вопрос о становлении медиевистики в Саратовском государственном университете (СГУ), до сих пор невозможно с точностью сказать, с чьим именем было связано начало научно-педагогической деятель-

ности в этом направлении, поскольку большая часть архивных материалов безвозвратно утеряна [2, с. 3]. Сохранившийся «Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг.» сообщает, что 18 мая 1918 г. в качестве профессоров кафедры всеобщей истории были избраны видные российские ученые – исследователь истории средневековой культуры Запада, профессор Новороссийского университета Петр Михайлович Бицилли (1879 – 1953) и выдающийся византист, профессор Воронежского университета Петр Александрович Яковенко (1879 – 1920) [8, с. 17].

В 1920 г. на свою малую родину из Петрограда приехал Георгий Петрович Федотов. В Саратовском университете он начал преподавать историю Средних веков. Ученый был одним из выдающихся специалистов по истории духовной культуры западноевропейского Средневековья. Федотов был воспитанником петербургской школы отечественных медиевистов, созданной И.М. Гревсом. С осени 1914 г. он работал в должности приват-доцента Петербургского университета на кафедре истории Средних веков. В начале 1920 г. Г.П. Федотов из-за болезни вынужден был переехать в родной Саратов, где получил приглашение преподавать в университете [6, с. 30]. Работая в Саратове, Г.П. Федотов переписал от руки (на латинском языке) текст одного из агиографических памятников эпохи раннего Средневековья. После этого текст размножили на гектографе, и он стал учебным пособием для студентов при изучении истории Средних веков и освоении навыков источниковедческого анализа [2, с. 4]. Такой подход, безусловно, значительно повышал эффективность образовательного процесса и прививал будущим историкам навыки исследовательской работы.

В Саратовском университете Г.П. Федотов проработал недолго: в начале 1923 г. он вернулся в Петроград, а в 1925 г. выехал из Советской России. Одной из причин отъезда ученого из Саратова называется невостребованность предлагавшейся им исследовательской проблематики (из духовной истории западного Средневековья) среди студенчества нового советского поколения [6, с. 30]. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, эта причина не была главной. Думается, что гораздо большее значение имели очень сложные взаимоотношения высшей школы и государственной власти, сложившиеся в начале 1920-х гг. Эти